

История философии

66 Реконструктивная философия Дьюи.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня я бы хотел, чтобы мы поразмышляли над его книгой о Реконструкции, его работой «Реконструкция в философии». Надеюсь, она у вас есть. А на следующей неделе мы углубимся в феноменологию и экзистенциализм.

Две недели Это перед тем, как мы проведем еще одно обследование. Ой. Нет, я говорю это не для вас.

Я говорю это о себе. Ой. На эти экзамены не нужно много усилий, чтобы написать.

Нет, не так. Просто мне очень сложно их записывать на ваших экзаменах, да. А потом у нас будет оставшиеся четыре недели, кажется, посвященные эмпирической и аналитической философии XIX и XX веков.

Хорошо? Ладно, думаю, на этом всё. Итак, «Реконструкция Дьюи». Название говорит само за себя, не так ли? И, соответственно, исходя из этого названия, я дал подзаголовки всем главам.

Две точки зрения на то, на это и на другое. Потому что, я думаю, он последовательно развивает тему, заложенную в названии, на протяжении всей книги. Он говорит о том, какой была классическая философия и какой, по его мнению, она должна быть.

То же самое относится и к каждой области философских исследований. Таким образом, мы получаем две разные точки зрения. Но я думаю, важно понимать, что в основе его разногласий с тем, чем является философия, лежит совершенно иное представление о человеческой природе, чем в классической традиции.

В конце концов, классическая философия в своей метафизике была скорее субстанцией, чем процессом. Иными словами, неизменной, качественно неизменной сущностью является основа всего. Поэтому, говоря о человеческой природе, лежащей в её основе субстанцией, конечно же, является та субстанция или те субстанции, которые составляют человека, с акцентом на единую субстанцию или телесную субстанцию, материю и её качества, функции.

Теперь, когда вы переходите от субстанциального взгляда к процессуальному, может быть трудно выразить это на английском языке, сформированном субстанциальной мыслью, но факт в том, что человек — это процесс, а не

субстанция, в конечном счете. Следовательно, если мы хотим понять человеческую природу и внедрить ее в философию, мы должны, прежде всего, рассматривать человека как процесс опыта. Теперь, если вы спросите: почему опыт? Ответ, я думаю, двоякий.

Во-первых, с эмпирической точки зрения, как мы можем говорить о личной идентичности, если она не, как в эмпирической традиции, восходящей к Джону Локку, определяется тем, как память о прошлом и предвкушение будущего отождествляются с настоящим опытом? Таким образом, это вопрос опыта, благодаря которому мы обладаем любой идентичностью, которую мы осознаём. Это, если хотите, эпистемологическая причина. Но, конечно, есть и другая причина: в этой гегелевской традиции, в которой, следуя Канту, человеческое сознание является линзой, через которую всё понимается, и в гегелевской традиции, с её разворачиванием сознания в процессе истории, как вы собираетесь описывать любой эволюционный процесс? И поскольку Дьюи, как мы отмечали в прошлый раз, является эволюционным натуралистом, процесс эволюционного развития на самом деле представляет собой обширный процесс опыта.

И, безусловно, для человека жизнь — это опыт. На самом деле, интересно, что в наши дни широко используется термин «реальность», что, как я обнаружил, затрудняет понимание метафизики для начинающих студентов. Потому что в общепринятом понимании термин «реальность» обозначает то, что реально в моем опыте, а не то, что реально само по себе.

Понимаете разницу? Метафизика занимается вещью в себе, реальностью. Но реальность стала означать реальность моего опыта. Что ж, это часть всего этого движения мысли из немецкой традиции XIX века в... да, мы увидим это в экзистенциализме и так далее, но, безусловно, в философии Уайтхеда и Дьюи.

Таким образом, человека следует понимать в контексте концепции опыта, очень богатой концепции опыта, гораздо более богатой, чем та поверхностная одномерная концепция, которую использовал Джон Локк. Просто состоящая из простых идей. Гораздо богаче.

Но если рассматривать человеческую природу с точки зрения опыта, то становится понятно, почему он утверждает, что люди — это прежде всего существа, движимые желаниями, а не интеллектом. Потому что конкретный опыт наполнен эмоциональной составляющей. Аффективными установками по отношению к прошлому, настоящему и будущему.

Вся суть. Теперь добавьте к этому его функционалистскую психологию, о которой мы говорили, и вы увидите, что в любом случае мышление будет просто функцией биологического организма в ответ на опыт, который

изначально имеет физиологическую основу и изначально является аффективным. Таким образом, это совершенно иное представление о человеке, чем представление о рациональной душе, обитающей в теле с некоторой фиксированной сущностью человеческой природы, и так далее.

Совершенно, совершенно разные вещи. Поэтому в первой главе он излагает это на первых шести страницах. Если хотите, как предпосылки всей книги.

А затем он указывает на то, что старая философия закрепились в виде теоретических доктрин, потому что возникла из желания. Желание — ключевое слово. Видите ли, философии, доктрины, моральные убеждения возникают из желания закрепить, сохранить прошлое.

Таким образом, идеалы, которые были успешны в прошлом, должны быть увековечены. И получается, что мы хотим быстрого, замороженного прошлого и, соответственно, философии статичных, неизменных позиций. Нам нужно признать, что опыт — это непрерывный процесс, жизнь — это непрерывный процесс, и философия должна быть не набором доктрин, а скорее рефлексивным отношением к опыту, желаниям, конфликтам желаний и угрозам тому, чего мы желаем.

Таким образом, философия для Дьюи — это скорее отношение, философское отношение, если хотите, чем какой-либо набор доктрин. Вот почему, когда я говорю о Дьюи как об эволюционном натуралисте и приписываю ему метафизический натурализм, а также методологический натурализм, я делаю это с некоторой нерешительностью в своей философской совести, потому что он не хочет, чтобы его считали приверженцем набора фиксированных доктрин. Но, конечно, он ими является.

Одна из них — его эволюционный натурализм, другая — функционалистская психология и так далее. Вот с чего следует начать. Не стесняйтесь оставлять отзывы, реагировать, задавать вопросы или комментировать это по мере моего выступления.

В конце пятой страницы он говорит, что нам нужно признать, что обычное сознание обычного человека — вот чего он добивается, обычное сознание обычного человека, опыт, предоставленный самому себе, — это порождение желаний. Сознание — это порождение желаний, а не интеллектуального изучения, исследования или размышления. Оно перестает быть в первую очередь активируемым надеждами, страхами и тому подобным только тогда, когда подвергается дисциплине, чуждой человеческой природе.

Что, с точки зрения естественного, является искусственным. И, следовательно, искусственность классической философии. Хорошо, исторические факторы во

второй главе, его обзор некоторых исторических факторов при реконструкции философии, по сути, представляют собой два взгляда на знание.

Там, где старая идея, которую он прослеживает до таких людей, как Аристотель, — это попытка найти неизменную истину о неизменных сущностях. И вы делаете это, конечно, абстрагируясь от опыта, а не работая с опытом. Вы абстрагируетесь от него, чтобы получить сущность вида.

И, исходя из знания этих первопричин, проводите дедуктивное рассуждение, абстрагируйте его. Вот какую форму принимает знание. Но существует и другой вид знания, который был введен Фрэнсисом Бэконом в его классическом изречении о том, что знание — это сила.

Не созерцание сущности, а сила. Не знание неизменного, а умение осуществлять перемены. Умение проявлять силу перемен.

И в этом заключается главный переломный момент, это различие. Старое требовало доказательств, подтверждения. Новое же стремится к открытию.

Таким образом, Дьюи предполагает расширение бэконовского видения полезности знаний в том, что они дают нам возможность изменять мир. Расширение этого видения на естественные науки было именно таким — видением Бэкона. Возможно, вы помните его работу под названием «Новая Атлантида».

Это было его видение научной утопии. Он считал, что его королева, Елизавета I, должна быть в восторге от этого. Но эту научную утопию он и написал.

Итак, Дьюи хочет, чтобы вы увидели ту же самую силу, которая высвобождается при изменении человеческого опыта. Теперь обратимся к социальным наукам, к гуманитарным наукам. И, следовательно, его мысль состоит в том, что методы решения проблем, которые разрабатывает его новая логика, как мы кратко упомянули в прошлый раз, способность знания к решению проблем, могут быть применены к человеческому состоянию.

К социальным проблемам, политическим вопросам и международным проблемам. Сейчас он пишет это преимущественно в период между двумя мировыми войнами, с 1918 по 1940 год.

Таким образом, он мыслит в контексте экономической депрессии. Он мыслит в контексте развития социализма во всем западном мире. И появления коммунистической диктатуры в Советском Союзе.

Иными словами, речь идёт об огромных потрясениях в старой системе. В политическом, экономическом плане, и это меняет облик, по крайней мере, Европы. Он осознаёт политическую напряжённость.

И старая мечта о том, что Первая мировая война была войной, которая положит конец всем войнам. Знаете, с этой точки зрения, с конца XX века, мы как бы улыбаемся. Я заметил улыбки на ваших лицах, когда я это сказал.

Война, которая положит конец всем войнам. Посмотрите, как всё обернулось. Видите ли, его волнует решение проблем.

Разрешение конфликтов. Как видите, понятие разрешения конфликтов является одним из важнейших аспектов в некоторых областях политологии. Некоторые определяют политологию как науку о разрешении конфликтов.

Это определение политики, данное Джоном Дьюи. Раньше политика была прикладной этикой. Но благодаря тому, что она стала социальной наукой, а социальные науки были поглощены инструменталистскими взглядами на знание, такими как взгляды Дьюи, она перестала быть просто разделом прикладной этики, за исключением, пожалуй, смысла инструменталистской этики Дьюи.

Способ решения проблем. И тут вступают в игру исторические факторы. А если вы посмотрите на страницу 43, то увидите, как он это формулирует.

В 43-м пункте, если использовать терминологию Бэкона, мы добились немалых успехов в освоении природы с помощью науки. Посмотрите на технологическую революцию.

Наша наука еще не достигла такого уровня, чтобы это предписание систематически и преимущественно применялось для облегчения положения людей. Такие применения случаются, но носят случайный характер. Это ограничение определяет особую проблему для философской реконструкции в настоящее время.

Он довольно четко выражает свои мысли по этому поводу. И, конечно же, он хочет, чтобы изменения в обществе происходили от приверженности вечным, универсальным и неизменным принципам к разработке конкретных средств для решения проблемных ситуаций по мере их возникновения. Речь идет скорее о ситуативных мерах, чем о чем-либо другом.

Ситуационная этика в применении к государственной политике. Научный фактор, лежащий в основе этой реконструкции, описанной в третьей главе, — это, по сути, два взгляда на природный мир. Два взгляда на природу.

Что же происходило в истории естественных наук, что привело к такому расхождению? И именно здесь он ясно выражает своё неприятие теории неизменных форм, дошедшей до нас от Платона и Аристотеля. Теории форм, которая сводится к неизменности видов. Неизменным целям.

То, что он называет замкнутым миром. Допустим, вселенная с уже определенным потенциалом. Определенным потенциалом.

Закрото. Вместо открытого финала здесь возможно всё. Кстати, интересная параллель между Дьюи и Сартром.

Если Бог мертв, возможно всё. Если нет неизменных целей, возможно всё. Если нет неизменных форм, возможно всё.

В этом смысле есть некоторое сходство между тем, что делал Жан-Поль Сартр во Франции, и тем, что немного раньше, в более мягкой форме, делал Дьюи в Америке. Дьюи — это своего рода американский аналог того, что развивалось на континенте в области экзистенциализма.

Если у нас есть Вселенная, свободная от ценностей, то мы должны создавать ценности. И в каком-то смысле Дьюи говорит то же самое, в своей особой инструменталистской манере. Таким образом, современная версия в свете дарвиновской теории естественного отбора заключается в том, что фиксированных видов не существует.

Здесь нет фиксированных форм. Это открытый эволюционный процесс. Открытый мир, а не закрытый.

А это, конечно, означает, что феодальной иерархии не существует. Нет естественного права как основы для благоразумия присяжных. Нет никакого естественного права.

Цели всегда ситуативны и возникают в рамках проблемной ситуации, оставляя при этом место для постоянных эволюционных изменений. На странице 70 он в середине страницы говорит, что фиксированные формы и цели обозначают фиксированные пределы изменений. Они делают феодальными все попытки человека производить и регулировать изменения, за исключением узких рамок.

Они парализуют конструктивные человеческие изобретения теорией, которая заранее обрекает их на неудачу. Лишь после того, как из природы были изгнаны фиксированные цели, цели стали важными факторами в человеческом сознании, способными перестраивать существование. Я не уверен, что это

исторически верно, потому что, как мне кажется, в томистской традиции происходит много перестроек, связанных с конечными причинами.

Вся система природы и благодати перестраивается в соответствии с заданными целями. Но интерпретация ситуации Дьюи довольно ясна. Вот, собственно, и все исторические факторы, описанные в первых трех главах.

И это, я думаю, понятно без проблем. Четвертая глава, озаглавленная «Измененные представления об опыте и разуме». Да, он говорит, по сути, об изменениях в понимании опыта.

А на страницах 83, 82, 83 и 84 это проявляется наиболее отчетливо. На странице 82, в начале нового абзаца, он указывает, что эмпиризм удачи по своей сути был дезинтеграционным. А вот на прошлой неделе мы читали отрывок из Уайтхеда, где говорилось то же самое.

Вы помните, что Уайтхед говорил, что идеи, основанные на опыте, опыт как фактор удачи, являются одновременно обособленными и всеобъемлющими. Они обособлены, и он хочет, чтобы они были всеобъемлющими, а также обособленными. Иными словами, идеи Локка атомистичны, изолированы, каждая из них — это островок сам по себе, без каких-либо внутренних взаимосвязей.

Все отношения носят внешний, отдельный характер. И Уайтхед утверждает, что существуют всеобъемлющие отношения, в которых одно естественным образом приводит к другому. Существуют и внутренние отношения.

В сущности, Дьюи высказывает ту же мысль: в конкретном опыте нет изолированных атомов опыта. Существует континуум. Существуют внутренние взаимосвязи.

Итак, у Локка это дезинтегративный процесс. Юм поднимает вопросы об искусственности этого процесса. А в конце 83-й главы он вводит две вещи, которые сделали возможным новое понимание опыта.

Первый, главный фактор, — это изменение самой природы опыта, как он переживается на самом деле. Он возвращается к этому на 86-й главе, но затем продолжает. Второй фактор — это развитие психологии, основанной на биологии.

прежде всего, развивает эту мысль в следующих абзацах, где утверждает, что следствием развития биологии является то, что там, где есть жизнь, есть и активность.

Это непрерывная деятельность, адаптированная к окружающей среде и не являющаяся пассивной. Таким образом, в опыте в значительной степени отражается причинно-следственный континуум. Опыт, на вершине 86-го уровня, становится, прежде всего, делом действия.

Организм не стоит на месте, как Макорбер, ожидая, пока что-нибудь появится. Вы не упустили из виду эту литературную аллюзию? Мистер Макорбер, всегда ожидающий, пока что-нибудь появится? Это Диккенс. И хоть убей, я забыл, это Оливер Твист или Дэвид Копперфилд? Дэвид Копперфилд.

Мистер Макорбер, всегда ждет, когда что-нибудь произойдет. Похож на Макорбера. Этот организм не стоит на месте, как Макорбер, всегда ждет, когда что-нибудь произойдет.

Оно не ждет пассивно и инертно, пока что-то само себя впечатлит. Оно действует в соответствии со своей собственной структурой и окружающей средой. И поэтому возникают встроенные взаимоотношения, потому что мы — существа, движимые желанием, в рамках биологического континуума.

Видите? Ну, затем он получает результат биологического опыта, который следует за этим и представляет собой гораздо более непрерывный процесс, чем это представлялось в атомистическом представлении. А когда дело доходит до разговора о разуме на странице 95, в середине страницы, разум должен был быть отделен от опыта, знакомя нас с высшей областью универсальных истин. Разум, как кантовская способность, вводящая общность и закономерность, представляется нам все более и более излишним.

Это ненужное создание людей, пристрастившихся к традиционному формализму и сложной терминологии. Поэтому он отвергает эту концепцию и вместо этого говорит о конкретных предложениях, вытекающих из прошлого, используемых в качестве целей и методов специальной реконструкции, проверенных успехом и неудачей. Это разумное мышление, возникающее в ходе опыта, когда мы придумываем идеи для решения проблемных ситуаций.

Таким образом, ему нужен интеллект, ориентированный на решение проблем. Способность черпать идеи из накопленного опыта, выбирать те, которые подходят для конкретной ситуации, проводить мысленные эксперименты, возможно, и явные, а затем на практике подтверждать, сработают они или нет. Другими словами, это тот тип интеллекта, который необходим для осуществления перемен.

Для осуществления перемен. Таким образом, совершенно другая концепция. Теперь вы можете увидеть, почему его концепция образования так сильно отличалась от прежней, исходя из этого изменившегося понимания опыта.

Потому что вы сейчас не пытаетесь научить людей искусству диалектики или абстракции. Платон, Аристотель. Диалектика или абстракция необходимы для постижения вечных истин.

Понимаете ? Универсальные принципы. Нет. Скорее, вы пытаетесь развить в людях тот вид практического интеллекта , который позволит найти действенное решение в проблемной ситуации .

Решение проблем, понимаете. И его так называемое прогрессивное образование было именно таким. В идеале классная комната должна быть местом, где, по мере возникновения проблемных ситуаций, люди могут свободно изучать идеи, содержащиеся в учебниках или в собственном опыте, и находить подходящие способы решения проблемы.

Вместо систематической попытки развития интеллектуальных способностей, позволяющих абстрагироваться и логически работать с абстрагированными вещами, мы имеем в виду две разные концепции. Ценность наследия знаний заключается в обогащении человеческого опыта , на который можно опираться в проблемных ситуациях.

В духе поговорки о том, что тот, кто пренебрегает прошлым, повторит ошибки прошлого. Но, видите ли, цель изучения прошлого не в том, чтобы понять какие-то вечные истины о человеческой природе или истории, а скорее в том, чтобы иметь ресурсы для будущего. Хорошо.

Затем глава 5, которую, как мне кажется, я пропустил и сказал, что читать её необязательно. Я прав? Да, я сказал главы с 1 по 4. Ну, знаете, на всякий случай, прочтите главу 5. Качество милосердия не приукрашено. Я не хотел слишком навязывать.

Но, знаете, после прочтения всего остального, этот текст можно прочитать очень быстро. Он просто отвергает платоновскую дихотомию идеального и реального. Платоновскую дихотомию идеального и реального.

Мы отметили, что и Дьюи, и Уайтхед крайне нетерпимы ко всем традиционным дуализмам. Разум и тело – реальность. Идеал и актуальность.

Понимаете? Его точка зрения заключается в том, что не существует платоновской сферы трансцендентных идеалов. Понимаете?

Неизменные, вечные идеалы. Нет. Идеалы просто возникают по мере возникновения проблем.

Идеал — это решение проблемы, которое вас интересует. Понимаете? И поэтому вы не думаете об этом идеале до тех пор, пока решение не станет необходимым .

А еще есть идеал, то есть ценность, которую вы ищете. Идеалы — это ценности, которые возникают в контексте проблемных ситуаций. Таким образом, существует континуум «факт-ценность», как он это формулирует.

Здесь он порывает не только с дуализмом Платона, но и с дуализмом Просвещения, основанным на фактах и ценностях. Понимаете, он живет во вселенной, свободной от ценностей. Ценности – это своего рода внешние интуиции.

Нет, это не относится к Дьюи. Возможно, природа сама по себе является вселенной, свободной от ценностей. Но наш опыт не свободен от ценностей.

Наш опыт в основном основан на желаниях . И если выживанию угрожает опасность, то идеал выживания выходит на первый план. Он ценится.

Видите ли, существует континуум между фактом и ценностью, хотя вечных, неизменных ценностей не существует. Этот континуум — это процесс опыта.

Что ж, это тема того, что вы не читаете. Следующая глава, номер шесть, посвящена двум точкам зрения на логику. Хорошо, старая логика была формальной.

Это был дедуктивный подход. Новая логика основана на опыте. Ну, он называет её экспериментальной.

Да, это научный метод. Логика, конечно же, структурирована по порядку. Это тот тип мышления, который необходим для решения проблем.

Именно такой логической логикой он руководствуется. Экспериментальное мышление. Оно начинается с наблюдения за тем, в чем заключается проблема.

С осознанием того, что поставлено на карту. Ценности, которые возникают. Ценности, которым угрожает опасность.

Возможные ценности. А затем возникают идеи. Что такое идеи? О, не просто идеи вторичных качеств и так далее.

Нет. Идеи — это гипотезы. Поэтому, когда вы оказываетесь в затруднительном положении и говорите: «У меня есть идея, как из этого выбраться», — это именно та идея, которая нам нужна.

Идея — это просто план действий. Что мы можем с этим сделать? Это, если хотите, обычное употребление. Таково общее понятие идеи.

Таким образом, структура мышления, как видите, состоит из идей, которые являются гипотезами, а не устоявшимися представлениями или теоретическими догмами. Идей, которые являются просто инструментами. Они имеют инструментальную ценность.

Они не обладают внутренней ценностью. Они не являются по своей сути истинными. Поэтому рассуждения Джеймса об истине как о денежной стоимости здесь вполне уместны.

Важна денежная ценность в той ситуации, в которой вы находитесь. И, соответственно, истина — это не какая-то фиксированная область. Она скорее связана с удовлетворением желаний. Иными словами, идея может считаться истинной, если она полезна для удовлетворения желаний, существующих в данной ситуации.

А на страницах с 155 по 157, суть, нижняя часть 157, позвольте мне прочитать вот этот отрывок: истина как полезность означает служение, вносящее именно тот вклад в реорганизацию и опыт, то есть адаптируясь к окружающей среде, внося именно тот вклад в реорганизацию, который, как утверждается, способна внести идея. Полезность дороги измеряется не степенью ее пригодности для целей разбойника, а тем, функционирует ли она фактически как дорога, как средство легкого и эффективного транспорта, и, следовательно, полезность идеи. Это гипотеза.

Истинность этой гипотезы оценивается по тому, насколько она полезна. Всё просто. Такой контекст необходим для перехода к главе о моральной реконструкции, и здесь есть некоторые нюансы, на которые, я думаю, нам следует обратить пристальное внимание.

Во-первых, его использование термина «полезность» применительно к идеям может навести на мысль, что Дьюи — своего рода утилитарист, но он категорически отверг бы это предположение. Почему? Дело в том, что утилитаризм — продукт старого эмпиризма. Эмпиризма, который накапливал знания и определял, что делать в будущем, но строил это на основе прошлых эмпирических обобщений.

Чтобы разработать моральные правила для утилитариста, нужно опираться на прошлый опыт, который учит максимизировать счастье или любое другое благо для максимального числа людей. В центре познания — прошлое, даже когда

пытаешься предсказать будущее. Для Дьюи же центром познания всегда является будущее, а не прошлое.

Итак, вам нужно знание о будущем. Но как получить знание о будущем? Только в форме гипотезы. Понимаете ? Только в форме гипотезы.

Конечно, прошлый опыт может подсказать эту гипотезу, но следует помнить, что каждая проблемная ситуация будет несколько отличаться от любой другой. Он не говорит об общих правилах для достижения максимального уровня счастья людей. Не принято говорить об общих правилах, основанных на эмпирических обобщениях прошлого.

Нет. Он решает новую проблему и пытается понять, к чему приведут действия, которые мы можем предпринять в будущем.

Таким образом, вам нужны не эмпирические обобщения, из которых вы что-то выводите, а гипотеза, которая, да, скорее, лишь предполагается, а не выводится, она основана на накопленном опыте из прошлого. Но из этой гипотезы вы можете сделать вывод о том, что, вероятно, произойдет, если гипотеза верна. Но вы не знаете, верна ли она.

Потому что это верно, если вообще верно, в отношении будущего. Следовательно, это не утилитарный подход. Во-первых, он ориентирован на будущее, а не на прошлое.

Во-вторых, он ориентирован на конкретную ситуацию, а не на обобщения относительно высшего блага. Счастья максимального числа людей. Или что-то в этом роде, понимаете.

И в-третьих, это в любом случае не мораль правил. Это в любом случае не будет моралью правил. А скорее вопросом о том, как разрешить этот конфликт.

Разве эмпирики не использовали гипотезы в своих научных исследованиях? Например, даже в XVII веке? Да, но, видите ли, он говорит о мышлении, ориентированном на решение проблем. Где акцент делается на знании будущего. А утилитарист, опирающийся на знание прошлого, делает это в отношении некоторого фиксированного идеала, простирающегося от прошлого к будущему.

Этот неизменный идеал — это то, что конкретный утилитарист определяет как высшее благо для максимального числа людей. Если это Милль со своим гедонизмом, то это максимальное удовольствие для максимального числа людей. Для того, кого мы называем идеальным утилитаристом, это может быть максимальное благо для более широкого круга людей.

Но всегда существует это представление о неизменной цели, высшем благе, которое применимо как в прошлом, так и в будущем. Эта преемственность присутствует. Однако у Дьюи такой преемственности нет.

Высшего предела не существует. Ценности зависят от ситуации. Товары зависят от ситуации.

Таким образом, при рассмотрении конкретной проблемы, возникающей в отношении будущего, отсутствует определенная преемственность с прошлым. Конечный результат будет иным. Да, сэр? Нет, подождите минутку.

Сейчас он говорит не о научных открытиях, а о моральном мышлении. Хорошо.

Это глава о моральных концепциях. И я пытаюсь провести различие между утилитарной этикой, с которой вы, скорее всего, будете его отождествлять, если не будете внимательны, утилитарной этикой и ситуативной этикой Дьюи. Утилитаризм, во-первых, обращен к прошлому.

Утилитарист, второй по значимости, придерживается неизменных идеалов на протяжении всей своей жизни, которые воплощаются в общие правила. Но Дьюи не разделяет эти взгляды. Хорошо.

В этой главе о моральной реконструкции он также комментирует проблему зла. И, следуя тому же прагматическому духу, он говорит, что настоящая проблема зла — не теоретическая, а практическая. Это не логическая проблема.

Как можно логически согласовать существование бесцельного зла, кажущегося бесцельным злом, с существованием Бога, который во всем добр, мудр и могущественен? В этом и заключается логическая проблема. Нет, настоящая проблема зла — практическая. Что мы можем с этим сделать? Вернемся к проблемным ситуациям.

Значит, его не интересуют теоретические дебаты и размышления. Для Дьюи это не имеет значения. Почему не имеет значения? Обратите внимание на это слово.

Неактуально из-за прагматической теории значения. Термин «неактуально» означает прагматически бессмысленный. Понимаете? Денежная ценность отсутствует.

Итак, я думаю, я упоминал об этом в понедельник, разграничивая прагматизм, включая прагматическую теорию значения, согласно которой смысл идеи заключается в ее практических последствиях. Критерий истины заключается в

том, что истинность теории может быть проверена экспериментально. А определение истины состоит в том, что истина — это не что иное, как работоспособность.

Проблема в том, что кто-то назвал «ничего маслянистого». В определении смысла и определении истины. Ничего маслянистого в определении смысла и определении истины.

Итак, это мой краткий обзор книги Дьюи. Комментарии, вопросы? Легко ли вам читать? Думаю, это самая лёгкая книга со времён до Канта. Вы смотрите на меня с изумлением.

Да, это несложно. Нужно просто привыкнуть к его стилю. Он пишет на английском, а не на немецком, но его стиль довольно похож на стиль Гегеля.

В том смысле, что это не линейное мышление, шаг за шагом переходящее от одного утверждения к другому, как, например, у Локка или Юма. Это скорее диалектическое мышление. Взять концепцию и разложить её на составляющие в стиле тезис-антитезис-синтез.

Таким образом, речь идет скорее о раскрытии концепции путем сопоставления тезиса старого с антитезисом нового. Понимаете? Поэтому здесь довольно много повторений. Часто в начале одной главы он повторяет все, что делал в предыдущих главах, а затем переходит к следующему этапу.

Кажется, его ход мыслей таков: каждая глава немного продвигает сюжет, но только за счет предварительного ознакомления с предыдущими главами. Как только привыкнешь к такому стилю, читаешь он очень быстро. Посмотрим.

Несколько слов о современном прагматизме. Дьюи умер в 1950-х годах, но прагматизм продолжает оказывать влияние на современное творчество. И его можно обнаружить у многих людей.

Два человека, на которых, как мне кажется, я обещал обратить внимание, — это У. В. О'Куин из Гарварда, автор небольшой книги под названием «Паутина убеждений». В ней он рассказывает о том, как идеи, убеждения и теории переплетаются, подобно паутине, образуя своего рода взаимоподдерживающее, единое и последовательное целое.

Своего рода связность в сети убеждений. Как вы увидите, Куайн отвергает любой фундаменталистский подход и утверждает, что убеждения не возникают изолированно, так что их можно было бы рассматривать как утверждения в конце силлогистического доказательства. Сеть убеждений — это то, что разрослось.

И вся эта схема, как правило, возникает в нашем мышлении в естественном процессе. Вы обнаруживаете, что верите в целый комплекс взаимосвязанных вещей. Конечно, в основе этого представления лежит натурализованная эпистемология.

Иными словами, точка зрения, согласно которой убеждения возникают как часть психологии, основанной на природе. Что ценность наших убеждений носит инструментальный, а не просто спекулятивный характер. На более раннем этапе своей работы Куайн отверг старую аналитико-синтетическую дихотомию.

подверглось очень резкой критике. Было отмечено, что с практической, а также теоретической точки зрения, утверждение, скорее, предложение, может быть аналитическим или синтетическим в зависимости от контекста. Это контекстуальное различие.

Так, например, утверждение — и это мой пример, а не его, — «Бог благ», может рассматриваться теистом как аналитическое утверждение. Это просто разворачивание того, что уже логически содержится в понятии Бога. Это аналитическое утверждение.

Но с другой стороны, в других контекстах дискурса это функционирует как синтетическое утверждение. Если вы впервые знакомите кого-то с концепцией доброго Бога или если вы говорите кому-то, недавно пережившему огромное горе, слова утешения и говорите: «Помни, Бог добр». Вы подтверждаете нечто о Боге, что человек в муках своей проблемы мог упустить.

Видите ли, суть в том, что в зависимости от инструментальной функции высказывания, то есть от инструментальной функции высказывания, аналитический синтетический статус может меняться. Понимаете ли вы?

Таким образом, вы получаете прагматизм в подобной форме. Вы также находите его у Ричарда Рорти. А те из вас, кто присутствовал на лекции по плюрализму вчера вечером, слышали кое-что о Ричарде Рорти.

Он поместил всю современную дискуссию о религиозном плюрализме в контекст постмодернизма. Понимаете, дискуссия о религиозном плюрализме касается тенденции рассматривать различные религиозные позиции как одинаково приемлемые, как относительные, так что невозможно выносить суждения об истине между одной и другой.

Теперь, пытаясь помочь аудитории понять, как могла возникнуть подобная позиция, он сказал, что она возникла в рамках этики постмодернизма. Видите

ли, постмодернизма, который отвергает эпистемологию эпохи Просвещения с её попытками доказать истинность позиции. Вместо этого, начиная с Коперниканской революции, он выбирает такую степень субъективности, что ничего нельзя доказать, и, следовательно, происходит релятивизация.

Итак, вступая в тему постмодернизма и его влияния, он упомянул Ричарда Рорти, одного из двух, на которых он делал акцент. Вторым был Фуко, европейец. Но Рорти раньше преподавал в Принстоне, сейчас в Вирджинии, занимался философией, а теперь перешел в гуманитарные науки, потому что отказался от философских изысканий.

Ключевым моментом стала его книга «Философия и зеркало природы», вышедшая примерно 10-15 лет назад, в которой зеркало природы символизирует точку зрения, согласно которой идеи являются представлениями о некоей неизвестной реальности. Это репрезентативная точка зрения Декарта, Локка, Канта и так далее. И его мысль заключается в том, что из-за провала этой репрезентативной точки зрения, которая считает, что в нашем сознании находится зеркало природы, из-за провала этой эпистемологии, чего же остается ожидать философии? Другими словами, для него это либо логическая уверенность в рамках репрезентативной точки зрения, либо чистый скептицизм.

Ничто не познаваемо. А если ничто не познаваемо наверняка, если истину нельзя доказать, то у нас просто есть множество альтернативных точек зрения, и максимум, на что мы можем надеяться, — это интересная беседа. Некоторые считают, что именно поэтому он переехал в Вирджинию.

Что касается гуманитарных наук. Прагматизм в его работах отчасти заключается в том, что в книге он опирается на идеи Дьюи и других мыслителей, а также принимает прагматическую теорию смысла и истины, поскольку это был путь к, скажем так, всему, что осталось для философии, если отсутствует теория репрезентации. Конечно, очевидно, что другие люди с ним не согласны, потому что не все отошли от философии.

И, очевидно, в результате появилась третья альтернатива, а именно, другие эпистемологические направления, не являющиеся репрезентативными в смысле XIX-XVIII веков. Что неудивительно, ведь это никогда не были единственные две альтернативы: скептицизм или полная уверенность. Таким образом, здесь задействован прагматизм.

Что ж, похоже, наше время прошло. Хорошо, в понедельник еще несколько комментариев о прагматизме, возможность для обсуждения, а затем продолжим.